

Город без Ангелов

Анастасия Мойя

Курение вредит вашему здоровью

18+

Анастасия Мойя

Город без Ангелов

<https://litres.ru/74389224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Забудьте о Голливуде. Лос-Анджелес 1946 года – это город неона, лицемерия и джаза. Европейская эмигрантка думала, что удача улыбнулась ей: дешёвые съёмочные павильоны и обшарпанные диваны закуской сменялись сценой элитного бурлекса и подиумом модного дома влиятельного Виктора. Она получила роскошь, о которой мечтала, но взамен отдала свободу.

В Городе Ангелов у каждого есть двойное дно. Когда начинают мелькать новые лица – чуткий фотограф Дилан и беспринципный журналист Дэвид, – Ханна оказывается затянута в паутину чужих грехов. Маски сбрасываются, а Ханна понимает: её возлюбленный – совсем не тот, за кого себя выдаёт. Впрочем, как и она сама.

Какую деталь Ханна так тщательно скрывает от этого города? Можно ли сбежать туда, где уже никто не ждёт, или же роковой выстрел станет провалом?

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Содержание

I	4
II	17
III	29
IV	42
V	57
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анастасия Мойя

Город без Ангелов

I

*Не поднимайте расписной занавес,
который люди зовут жизнью.
Перси Биши Шелли, авторский перевод*

Карминовая помада скользнула по нижней губе, затем по верхней. Губы соприкоснулись между собой, протёрлись друг о друга и после разомкнулись вновь. Чёрная крышка накрыла яркий стик.

Выразительный взгляд уставился в зеркало, и ему предстала красotka с роскошными тёмными волнами волос, местами закреплённых невидимками. Надежда сияла в глазах, умело подчёркнутых чёрными стрелками. Ослепительная улыбка способна очаровать многих.

Взгляд скользнул ниже. Пышные перья, щедро расшитый стразами сверкающий топ. Голые плечи и живот, подчёркнутая грудь. Огонёк в глазах потух вмиг.

"Как вульгарно, как открыто. Как пошло опуститься до такого..."

Над просвечивающими сквозь тонкую кожу венами мрачнел синяк, бледноватый и небольшой, но напоминающий о

крепкой хватке мужских пальцев и ненароком пророненных слезах. Раздался тихий щелчок; тёмные ворсинки скользнули по светло-бежевой рассыпчатой поверхности, припудрили след.

Присущая некогда актрисе дешёвого нуарного кино, ныне же новой танцовщице грация. Выдавленная улыбка. Поддельно озорной, гордый взгляд. Так много фальши.

Рухнули идеалы, с оглушающим звоном разбились вдребезги о голод до роскоши, славы и признания. Так много пороков.

Отдалённо мурлыкнул конференсье, озвучивая новое, почти никому не знакомое имя. Яркие губы вновь растянулись в улыбке. На миг сцепились накрашенные ресницы, подмигивая очаровательному отражению, которое в ответ послало воздушный поцелуй.

Стук каблуков смахивал на гул падающих капель грязной воды в мрачном, одиноком подвале, в котором от всего мира были сокрыты честность и честь, отдаляемые каждым новым отказом от принципов, размазанные каждым покорно выслушанным упрёком. Они были оставлены лишь в памяти в виде ожогов на спине. Когда от изнурительных тренировок и бесконечных попыток доведения каждого движения до идеала лопатки чуть сжимались, следовало прикосновение горячего кончика сигареты, вставленной в чёрный мундштук. Сдержанный скулёж, проглоченные вместе с гордостью слёзы, вмиг распрямлённые плечи. Так, как того хо-

телось *ему*, не *ей*.

Он сделал это. Научил её совершенству.

Широкий луч света, направленный на одну неё среди мрака и тишины, пропахшей предвкушением. Испытующие, любопытные, изучающие взоры. Глубокий вдох в томительном ожидании музыки. Сердце колотится, кровь стучит в висках.

Первые ноты. Задержанное дыхание публики. Пойманные на себе два взгляда. Его – с надеждой на безупречность выступления. И *его* – сосредоточенный, готовый вкушать каждое движение, чтобы после выразить или восхищение, или недовольство. Третьего не дано. Отступать больше некуда.

Пальцы в белой атласной перчатке изящно обхватили микрофон, которого едва не коснулись яркие губы, открытые в ласковом, протяжном пении. Глубокий голос манил, влёл за собой; карие глаза, сверкая сиянием прожектора и глиттером, играли с публикой.

По залу пробежались приглушённые музыкой вздохи, когда большой веер, в последний раз щекотнув нежную кожу пышными светлыми перьями, был отложен на пол, обнажив стройные ноги и неприлично глубокий вырез на груди. Напряглись плечи от осознания наготы перед незнакомцами и *ними*. Их взгляды цепкие, пронизывающие сквозь скудную одежду и бледную кожу. До самых костей.

«Всего лишь танец, едва ли отличающийся чем-то от других. Публику интересует не столько тело, сколько... зрелищность. Ничего унижительного, порочного», – мысленно уба-

юкивала себя девушка, расслабляясь, отдаваясь музыке, растягивая слова песни и плавно задирая перчатку, тем самым обнажая припудренное запястье, затем и другое.

Всё внимание было приковано к её утончённым рукам, пальчикам с аккуратным маникюром, но лишь на пару мгновений. Казалось, время замерло, когда дразняще медленно она, отпустив украшенный стразами микрофон, шагала по сцене, настукивая каблуками ритм джаза, завораживающе извивалась, точно змея, сжимала и медленно уводила в сторону ткань сверкающей юбки, не доходящей до колен и с каждым новым долго тянущимся мгновением обнажающей всё новые участки кожи.

С тихим шорохом упал на пол атлас. Сияла под лучами софитов гладкая кожа, покрывшаяся едва заметными мурашками волнения. В движениях танцовщицы было столько грации, столько лёгкости и искренности; едва зрители могли подумать о том, что лицезреют её первое выступление. О том, что её сердце бешено колотится. О том, что бурлеск – чуждое для неё занятие. Уничтожительное и в то же время спасительное.

Щёки танцовщицы покрылись естественным румянцем, однако та прекрасно держала себя в руках. Не сутулилась, не дрожала, не терялась в движениях, не прекращала улыбаться. Оставлены неосторожные синяки и невзрачные ожоги, пролиты слёзы, проронены всхлипы были не зря.

Музыка угасла; почти нагая девица, находившаяся на сце-

не лишь в ярком корсаже, повернулась к зрителям боком, склонила голову к плечу, прошептала в микрофон последние пару слов – и замерла, завершая столь неприличный и столь любимый публикой танец. Без единой секунды промедления грянули аплодисменты, в то время как вздымалась и опускалась грудь. Улыбка, больше не фальшивая, стала чуть шире.

Вновь пойманы *их* взгляды – и уголки губ опустились, взгляд помрачнел. В спину будто что-то врезалось. Хотелось наклониться, поднять веер, укрыться им, убежать со сцены, осознав своё положение, однако *он* уже протягивал руку, приглашая последовать *за ним*. Противиться было невозможно. *Нельзя*.

Не забрав даже перчатки, танцовщица покорно вложила свою ладонь в чужую, и *он* со всей вежливостью помог спуститься со сцены, тут же накинул свой чёрный пиджак на хрупкие плечи, скрыв грудь и бёдра от чужих взоров.

– Ханн, твоё представление было великолепно, – ласковый шёпот едва не коснулся уха, – однако оно окончено. Нечего им глазеть.

Против воли обвив пальцами чужой подставленный локоть, Ханна позволила вести себя к столику неподалёку, чувствуя, как ноги начинают дрожать от волнения.

– Примите мои поздравления с блестящим дебютом. – Вежливый поцелуй приземлился на тыльную сторону голой ладони, когда девушка покорно села меж двух мужчин, поёжившись, но не от холода. – Будьте добры, шампанского де-

вушке.

– Мистер Клинов, я ведь на *работе*, – последнее слово было выдавлено едва не с отвращением.

– Я разрешаю.– Владелец клуба лишь тепло улыбнулся в ответ и кивнул официанту, ушедшему за третьим бокалом.

Полилась музыка, и Ханна приковала свой взгляд к сцене, на которой уже не было ни её веера, ни перчаток, ни размотанной юбки. Там была другая танцовщица, знакомая ей и каждому зрителю. Настоящая звезда бурлеска.

Ханна не любила бурлеск, считала его слишком вульгарным, однако плавные, гипнотизирующие движения той женщины цепляли, не могли не вызывать истинный восторг. Ханна инстинктивно поблагодарила официанта за шампанское, налитое в поставленный перед ней бокал; всё её внимание было приковано к зрелищному выступлению. Она жадно ловила каждое невесомое движение пальцев, каждое лёгкое переступание ног, желая научиться такому мастерству.

Другой официант подал тарелку ягод. Она, недоумевая, встретила взглядом с мужчиной, совсем недавно столь заботливо накинувшим пиджак на её плечи. В его глазах сверкало не то озорство, не то холодный расчёт, пока его губы почти шептали: «Комплимент от меня».

Аппетита совсем не было; даже такая простая пища уже не лезла в горло, но Ханна продолжала сквозь неприязнь проглатывать одну ягоду за другой, стараясь делать это как можно изящнее. Николай неловко усмехнулся, наблюдая такое

жалкое зрелище.

– Бросьте. Вы же не в блокадном Ленинграде.

Тонкая деревянная палочка, на которую была наколота голубика, выскользнула из трясущихся пальцев и упала обратно в тарелку; Ханна так и сидела с чуть приоткрытым ртом, застыв в таком положении, но ненадолго. Она вздрогнула, когда ощутила прикосновение к голой коже чуть выше колена, взглянула со смесью недоумения и испуга. И застыла: хотелось убрать чужую руку, оттянуть пиджак ниже, закинуть ногу на ногу, но она не могла. *Не имела права.*

Такая покорность, за которой скрывался читающий в глазах страх, только воодушевила.

– Николай Александрович, не сочтёте за наглость, если украду Ханну на эту ночь? – Услышав тяжёлый глоток дорогого шампанского, он склонился к её уху, слышимо только для неё шепнул: – Не бойся, не обижу.

– Не сочту, – совершенно равнодушно ответил Николай, поставив своё флюте на столик. – Вы только не обижайте её, Виктор Андреевич. Она совсем юна.

– Уже пообещал ей. – Пальцы Виктора в предвкушении сжали кожу танцовщицы, из-за чего та едва сдержалась, чтобы не дёрнуть ногой. – Верну к дневной репетиции в целости и сохранности, не переживайте.

Остаток вечера, совсем скоро сменившегося звёздной ночью, прошёл как в тумане. Лишь тело покалывали тревога и невесомые, сдержанные прикосновения.

Малиновые лучи декабрьского солнца бликовали на стёклах, испачканных мелкими полупрозрачными пятнами. Девушка затолкала две измятые мелкие купюры в карман молочно-жёлтого сарафана в тонкую коралловую полосу, тыльной стороной ладони стёрла проступившие на лбу капли пота, плюхнулась на барный стул. Глаза слезились от усталости, а веки слипались при первой же возможности, отчего крошки дешёвой туши хаотично усыпали бледную кожу.

Пока Ханна пыталась справиться с застёжкой, защипало недавно обожжённые о горячий кофейник пальцы; раздался облегчённый вздох, когда каблук белой туфли, соскользнувшей со стройной ножки, стукнул о пол. Подушечки пальцев коснулись стёртой кожи на голеностопе, и на них отпечатались едва заметный кровавый след. После тихого цоканья пластырь накрыл покрасневшую кожу.

Звон колокольчика заставил обратно запрыгнуть в туфли, наспех вдеть недорогой материал в металлическую застёжку. Обиженно ёкнуло сердце при виде того, с какой неприязнью опустился на обшарпанный барный стул молодой человек, выглядевший совсем не под стать скромному заведению. Он снял чёрный пиджак, сложил его на своём локте, несколько раз махнул на себя утренней газетой, пытаясь хоть как-то справиться с невозможной духотой.

– Добрый...

– Здравствуйте, просто кофе, – посетитель нагло прервал

девушку, даже не взглянув на неё и лишь положив на стойку купюру мелкого номинала. – Покрепче. А сдачу себе на чай оставьте.

Сначала Ханна оторопела, не поняв, кто и почему пьёт кофе вечером, но всё-таки послушно кивнула и совсем скоро поставила перед посетителем чашку, в которую налила только что заваренный кофе. Только тогда мужчина отложил газету и одарил официантку небрежным взглядом; та, заглядевшись, случайно коснулась подушечками пальцев горячей чашки, из-за чего айкнула, прошипела тихое: «Блин».

– Так вы русская?

Мужчина заговорил на русском языке. На удивление, легко и совсем без американского акцента. Но девушка, пусть и поняла вопрос, всё-таки поспешно ответила ему вновь на английском:

– Польша.

– Мигрировали из-за войны?

– Предпочитаю не вспоминать и не разговаривать об этом.

– Понял вас, прошу прощения. – Мужчина, переключившийся обратно на английский, провёл по своим коротким, аккуратно уложенным тёмным волосам и затем сплёл пальцы в замок, вжавшись локтями в стойку. – Виктор Андреевич. По отчеству вас как?

– В Польше нет отчеств.

– Знаю, но лишь документально.

Предчувствие подсказывало, что продолжать разговор не

стоит, но сердце отозвалось призрачной надеждой. Раньше, чем плечи дрогнули от пробежавшегося по коже холодка, девушка представилась в ответ:

– Там немного другая форма имени, но, полагаю, с уклоном на русский манер можете говорить «Алексеевна».

– Алексей?

– Верно.

Виктор подул на горячую поверхность и, выждав несколько секунд, сделал лёгкий глоток, тут же поморщившись.

– Отвратительный кофе.

Спохватившись, Ханна плеснула напиток в чистую чашку, попробовала.

– Обычный. Только покрепче.

– Другого нет?

– Увы.

– Кошмар.

Однако Виктор не отказался от поданного кофе. Закинув ногу на ногу, выгнулся чуть вперёд, уже более сконцентрировано пробуя напиток на вкус. Его элегантность поражала, а из-за остро-красивых черт лица сложилось впечатление, что он мог бы быть моделью или актёром.

– Вас правда устраивает такой сорт?

– Очень даже. Что с ним не так?

– Аромат тусклый, вкус простой, а послевкусие как будто стягивает язык.

– Как по мне, – Ханна сосредоточенно допила скудные

остатки из своей чашки, – кофе как кофе.

– Вы просто хорошего кофе не пробовали.

Ковальская возмущённо выдохнула, но ничего не ответила: это действительно было так.

– У вас весьма приятная внешность. Мне кажется, я уже где-то видел вас.

– Возможно, в кино.

Посетитель задумался на несколько секунд.

– Точно. Не помню названия.

Такие слова полоснули по сердцу, но были ожидаемы. Она сама знала, что снимается в дешёвых, почти низкосортных фильмах, но другого не оставалось. Все кастинги в хорошее кино даже на роли второго плана заканчивались лишь обнадеживающим: «Мы вам напишем». Но никаких писем не поступало. Ожидание было более прямого отказа.

Дело не в отсутствии таланта – он есть. А в ценности женской чести и личного достоинства, пренебрежения которыми ради карьеры так и ждут видные режиссёры.

– Ханна Алексеевна, вы же умеете танцевать?

Она едва не выронила из рук чашку и со временем помутневшую жёлтую тряпку. Перед глазами сразу же проплыли великолепные мгновения: красивый, одетый как с иголочки и, вить, статусный мужчина подаёт ей руку, приглашает на медленный фокстрот прямо здесь, в дешёвой забегаловке. И всё вокруг им благоволит: мелодичный голос, тихо струящийся по радио, алые лучи заходящего солнца, добавляю-

щие этой атмосфере интимности, и малое количество посетителей, которых не интересует ничто, кроме политики, денег и личной жизни.

На очаровательном лице растеклась глуповатая улыбка, а в голосе звучала надежда:

– Смотря что.

Её взгляд так и говорил: «Ну же, скажите. Прямо здесь». Теперь она не могла отвести от него взгляд. Он действительно был слишком красив. Однако Виктор торопиться не собирался и воодушевления явно не разделял. Он улыбнулся в ответ, но совсем по-другому.

– Я могу порекомендовать вас моему хорошему другу. Он владеет рестораном, где нередко выступают танцовщицы. Как раз требуются новые артистки. Роскошные вечера, светское общество, богемный круг – в этом духе.

От удивления она открыла рот, не найдя слов. Сердце твердило одно, рассудок – другое. Противоречивые мысли и мечты смешались, закружили девушку, что даже пришлось опереться ладонью о стойку, чтобы выстоять на каблуках. Но Виктор ждал, и Ханна не могла позволить себе молчать вечно.

– Это... неожиданно. – От неловкости она увела взгляд в сторону окна – туда, где нетерпеливо догорал яркий закат. Взяла короткую паузу, взвешивая предложение. – Извините, мне нужно подумать.

– Я не тороплю.

Мужчина протянул чёрную визитку. Картон был приятен на ощупь и напоминал бархат. Роскошь вперемешку с минималистичным дизайном говорили сами за себя: этот человек действительно богат и имеет вес в обществе.

После этого Виктор поднялся, надел пиджак, взял газету, медленно кивнул на прощание и ушёл, оставив за собой множество вопросов. Теперь о нём напоминали только чашка так и не допитого кофе, на стенках которой отпечатались тёмно-коричневые дуги, яркий шлейф дорогого парфюма и визитка, которую рассекли каллиграфические белые английские буквы: «Виктор Соболев», а под ними – короткий номер домашнего телефона.

II

Сразу за болезненным стоном последовало холодное: «Тихо». Девушка тут же выпрямила плечи, вскинула подбородок, не то обрывисто вздохнув, не то издав тихий всхлип. Рука потянулась назад, но не успели пальцы нащупать мелкий свежий ожог между голыми лопатками, как длинный чёрный мундштук стукнул по запястью.

– Терпи.

Ханна подняла взгляд в потолок, но яркий свет не позволил сморгнуть слёзы. Напротив, на щеке сверкнула мокрая дорожка. Хотелось вытереть её, но было нельзя. Руки, на которых кожа вмиг зарозовела длинной полосой, вновь приняли необходимое прямое положение над головой, но от усталости они заметно дрожали. Казалось, что кто-то сильно сжал шею: от сигаретного дыма хотелось кашлять, но в горле застряла невыносимая тяжесть, мешавшая даже дышать. Разочарование, отчаяние и страх сковали тело и стремительно завладевали сознанием.

Но она не смотрела назад, не плакала вслух, не жаловалась на усталость и горячую боль где-то между лопатками. Лишь покорно терпела, поджав губы, зажмурившись на пару секунд и мысленно умоляя, чтобы хореограф вернулся с перерыва как можно скорее. Его боялись многие танцовщицы и делали всё возможное, лишь бы угодить ему, но Ханне

внушал больший страх *другой* человек.

Несмотря на слепящий блеск страз, которые усыпали откровенный топ, зеркало всё равно отражало равнодушные, словно безжизненные почти чёрные глаза Виктора. Он шагнул ближе – настолько, что медленное дыхание коснулось нагого изгиба шеи. Ладонь легла на поясницу, надавила, заставив выгнуться ещё сильнее.

Холодный свет потух на миг, и из-за неожиданности такого девушка вздрогнула, но Соболев с силой прижал другую ладонь чуть ниже ключиц, из-за чего мундштук коснулся кожи и сигарета чуть не оставила новый ожог. Ханна не понимала, что он делал: доводил осанку до изящества или нарочно издевался, будто желая сломать не только психологически, но и физически.

Ей было страшно, потому что точно знала: он действительно мог бы.

– Не трясись, – его голос, тихий и монотонный, напоминал хищнический гипноз, – держи осанку. И теперь повторяй выученные элементы.

Хотелось сказать, что в таком положении было тяжело даже просто дышать. Тянуть время было опасно. Она задержала и без того скудное дыхание, вытянула носок вперёд и шагнула, цокнув каблуком. Попыталась элегантно, но вышло напряжённо.

– Грязно. Ещё раз.

На глаза предательски надавили слёзы, а на горло – па-

ника. Девушка сглотнула, повторила движение вновь, поставившись вложить в него всю уверенность и изящность. Казалось, такой простой элемент, но на деле полный мучений.

– Ты будто падаешь. Если зрители увидят такое на сцене, зрелищный танец превратится в убогую комедию.

Её поражало, насколько сурово звучали его слова и насколько безжалостно он заставлял пробовать ещё и ещё, словно наслаждался, видя, как чужие силы иссякают.

– Я больше не могу, – спустя казавшиеся невероятно долгими минуты мучения Ханна едва слышимо просипела, давая понять, что ей необходимо сделать несколько глотков воды.

– Мне всё равно.

Этих слов было достаточно, чтобы заставить поджать губы в безмолвном плаче и ощутить, как надоедливые слёзы оставляют следы туши на покрасневших щеках.

Она умела терпеть. Ковальская помнила застоявшийся запах железа и пороха, режущий слух звон. От постоянного голода и вечного недосыпа, совмещаемых с практически не прекращавшимся трудом на заводе, кружилась голова, глаза слипались. Она делала всё механически, и от рутинности задач окончательно расшатанная психика едва выдерживала.

Дешёвая бесформенная роба неприятно елозила по телу при каждом движении, грубые башмаки стирали пальцы на ногах в кровь. Каждый раз, как взгляд ненароком останавливался на чужой или собственной нашивке «OST», отме-

чавшей клеймом несчастных матерей и подростков, в горле застревал ком. Она училась терпеть, ей удавалось обуздать собственные эмоции, но иногда порох всё-таки просыпался мимо гильз.

Когда где-то на улице слышались детские крики и выстрелы, её сердце замирало, а всё тело бросало в неконтролируемую дрожь. По щекам текли слёзы, и девочка, которую ещё пару лет назад ждало яркое будущее на сцене, едва успевала вытирать их почерневшими от грязи костяшками. Война сломала всё.

С каждым новым медленным, боязливым шагом, отдающимся в незнакомых коридорах эхом и омерзительным стуком в ушах, ноги начинали трястись сильнее, а сердце – колотиться ошутимее. От смятения даже неприятно вскружилась голова; пришлось сильнее ухватиться за чужой локоть, в ответ на что прозвучал короткий смешок.

Щёлкнул дверной замок, и этот короткий звук послужил приговором. Губы Виктора голодно, жадно накрыли накрашенные, давно желанные, пальцы же ухватились за нежные щёки, удерживая. Короткий, жалобный вой был заглушён; ладони стукнули в мужскую грудь, но только один раз, и остались на ней, нервно комкая яркий пиджак. В зажмуренных глазах скапливались слёзы, кислород в груди стремительно заканчивался. От нежелания происходящего, не от поцелуя.

– Целоваться не умеешь? – Не получив почти никакой ре-

акции в ответ, Виктор чуть отпрянул, но всё так же не отпустил щёки девушки. – Мне всегда казалось, что это необходимо для актрис, даже если и бывших.

– Умею, – голос дрогнул, из-за чего последний слог едва прозвучал.

Соболеву повторять дважды не нужно. Он уволок танцовщицу в новый поцелуй, менее настойчивый. Ладонь опустилась, крепко сжала талию, что её жар ощущался даже сквозь ткань платья. Теперь же не в туфлях на каблуках, а скромных балетках, пришлось встать на носки, для надёжности, пусть и нерешительно, обвить обеими руками шею. Огонёк сверкнул в глазах Виктора, и он позволил себе сомкнуть веки, отдаваясь происходящему.

«Боится. Но сильнее боится убежать», – убедившись в этом, доверчиво отпустил её, разомкнул поцелуй. Не шелохнулась – напротив, замерла в ожидании, подняла невинный, напуганный, так желающий верить взгляд. Несколько раз хлопнула ресницами в надежде на снисходительность – чуть вздрогнула, когда пальцы скользнули за спину, нащупали застёжку и стали медленно тянуть её вниз.

Веки чуть не сцепились в смущении, взгляд ускользнул в сторону. Кровь прихлынула к щекам, и Виктор не смог не проворковать с умилением, опуская голубую ткань с плеч:

– Такая стеснительная, – кончик его носа зарылся в тёмные корни, коснулся макушки горячим дыханием, – чего не скажешь по выступлению.

– У меня никого не было.

Соболев оторопел, а отпущенное платье тем временем с шорохом упало на пол. Смотрел тот на неё не без удивления, казалось, с нежностью. Только в глаза.

Он помнил горькие слёзы, болезненные всхлипы, но ни единой жалобы, желания отказаться от сделанного выбора. Лишь смирение и осознание, что другого выхода нет. Либо продолжать сниматься в дешёвом кино и подрабатывать в закуской,нося на тёмном подносе напитки и фастфуд, либо получить то, о чём мечтала с детства: слава, роскошь, великолепные светские вечера и общественное признание.

Что-то внутри кольнуло. Будто вспорхнуло новое чувство, никогда не ведомое владельцу успешного дома моды. Некоторая нежность, не передаваемое словами тепло, волнение.

– Даже Николай Александрович не трогал за всё это время?

Мужская ладонь легла на тёплую щёку вновь, но не зафиксировала в данном положении. Приласкала, позволив хоть немного успокоиться и доверчиво кивнуть. Улыбка на лице Виктора стала не голодной и возбуждённой, а тёплой. Его действия были полны трепета, во что было трудно поверить.

Синяки и ожоги, упрёки и тотальный контроль – даже больше, чем со стороны Клинова. Его прошлое поведение контрастировало с нынешним. Почти нагое тело дрожало в ожидании подвоха, однако ножки всё-таки высвободились из балеток, неловко перешагнули распластавшуюся на полу ла-

зурную ткань, поверх которой оказались и белые ажурные перчатки. Ханна переступила через нежелание.

Виктор медленно увёл локоны за спину, щекотнув ими плечи, и только после этого позволил себе опустить взгляд. Пальцы ловко подцепили застёжку меж лопаток, и девичье тело прижалось к чужому, покорно выжидая.

Белые лямки соскользнули с плеч, и Ханна расслабила руки, позволяя бюстгальтеру упасть на другую ткань, обнажив взору изящную, заметно поднимающуюся и опускающуюся в волнении грудь. Утончённые пальцы вновь коснулись пиджака, теперь же нерешительно. Ухмыльнувшись, Виктор небрежно скинул с себя этот элемент одежды и подхватил танцовщицу под бёдрами, заставив охнуть от неожиданности такого.

Он опрокинул её на пышную кровать, бесцеремонно подмял отдавшееся тело под себя и завладел раскрытыми губами в третий раз, совсем томительно и нежно.

– Ханн, – совсем скоро их взгляды, полный трепета и падающий, пересеклись, – я же сказал, что не обижу.

– Виктор Андреевич...

– Просто не думай ни о чём. И доверяй.

Она закрыла своё лицо тыльной стороной ладони, укусила кожу на ней, зажмурилась, стараясь выкинуть происходящее из головы. Отключить мозг. Заставить себя не понимать, *что* происходит сейчас. Прикосновения, дыхание, шорохи одежды, речи, мысли были беспорядочными, из-за чего

всякое осознание померкло.

И она доверилась ему. Позволила взять верх над собственными разумом и гордостью. В волнении и страхе скомкала простыню, когда сильные руки закинули стройные ноги на мужскую поясницу, из-за чего тела стали ещё ближе друг к другу. Взгляд Ханны скользнул по голому телу, она издала тяжёлый, глубокий вздох, отвернулась в сторону окна, надеясь пережить весь ужас как можно скорее.

Как назло, всё вокруг остановилось. Перестали тихо тикать часы. Лёгкий ветерок больше не проникал в спальню сквозь приоткрытое окно, не колыхал занавески. Не двигалась и Ханна, замерло её взволнованное дыхание.

Виктор легонько двинулся вперёд – и сразу же уловил жалобный всхлип, увидел, как веки крепко зажмурились, губы поджались. На дрожащих ресницах сверкнули капли. Пальцы сильнее вцепились в белую ткань, костяшки побелели. Пушная нежность овладела Соболевым, и он ласково провёл кончиком носа вверх по чужому, тепло дыхнул в переносицу.

– Дыши.

Она послушно вобрала как можно больше воздуха, из-за чего грудь заметно поднялась и через несколько секунд опустилась. Разомкнула слипшиеся ресницы, взглянула на него сквозь тонкую пелену слёз, которые всё никак не прекращали скапливаться в глазах.

В её взгляде было всё: боль и страх, нежелание и доверие. И это дурманило Виктора. Но он держался, и его руки – од-

на обхватила талию, другая вжалась в матрас – дрожали в нетерпении. Не хотел рушить её доверие. Внушить ей совсем другое, заставить думать по-другому.

Так, как будет угодно ему.

Он целовал её шею и плечи, ключицы и грудь, обжигая губами, дыханием и интимными фразами. Она вилась под ним, забывая про боль. Но невозможно было забыть, *что* сейчас происходит.

Он двигался медленно, растягивая удовольствие и унижение. Он умело игрался с ней и её сознанием, подчинял не указами и грубостью, а комплиментами и нежностью.

"Он прижимал сигарету к спине, только когда я не держала осанку. Оставленными на коже синяками, колкими словами разбил розовые очки, показал мне настоящий мир. Он вывел меня из этой бедности и бесславия. Доказал, что добиться успеха можно не через постель. А то, что происходит сейчас... другое. Он действительно желает мне добра..."

– Виктор Андреевич...

Горячая ладонь легла на шею, ощутила, как бешено пульсирует сонная артерия. Их дыхание слилось воедино.

– Позови меня по имени.

– Виктор, – его имя прозвучало, как настоящая мольба. Безнадёжная и искренняя, – я хочу, хочу...

– Что ты хочешь, моя мадонна? – Он, желая признания, нарочно замедлился. Виктор двигался до боли медленно, ед-

ва не доводя до отчаяния.

Ханна не ответила, лишь пальцы скользнули чуть выше, к затылку. Она приподнимается и целует. Сама. Неглубоко и ласково, но дурманяще. И Соболев поддаётся её негласной просьбе. Опрокидывает обратно, целует уже настойчиво и жадно, вдавливая в постель.

Отдалённая боль и улада стали единым целым. Познавшие друг друга тела сплетались, поддавались навстречу, прижимались, дрожали вместе, разделяли на постели лёгкий цветочный и густой амбровый ароматы. Пальцы сминали кожу, ногти оставляли обрывистые, хаотичные розовеющие полосы.

Виктор прохрипел в покрывшуюся следами страсти шейку, оставив на ней последний мокрый поцелуй. Их тела, трясущиеся в избытке чувств, были всё ещё близки и только через долгие секунды, когда оба задыхались, разлучились.

Соболев рухнул рядом, прикрыв глаза и пытаясь отдышаться. Ханна была почти бесшумна, лишь молча, едва слышимо приходя в себя, смотрела в потолок сквозь сотни точек, бегающих перед глазами. Чувство неприятия никуда не делось, лишь на время заглушилось под такими очаровывающими ласками. В горле вновь что-то сжалось, предупреждая, что вот-вот хлынут слёзы.

Она приподнялась, села, что далось тяжело, так как тело и разум до сих пор не отошли от произошедшего. Лёгкая боль и приятная слабость напомнили о себе.

– Ну куда же ты? – Виктор вытянул руку, уцепился за запястье, на котором глухо занял синяк, некогда оставленный его крепкой хваткой. Сейчас же она была совсем невесома, а голос его елеинный. – Остаься на ночь.

– Мне нужно в душ.

– Мне тоже.

– Виктор, – его имя обожгло язык и осталось горьким послевкусием, – я хочу побыть одна.

Раздался непонятный смешок. Не то разочарованный, не то понимающий. Соболев поднялся с кровати, накинул на хрупкие плечи свой пиджак. Как это было вечером. Сам надел рубашку и застегнул на несколько нижних пуговиц, порылся в своём чёрном кожаном портфеле, выудил оттуда портсигар и зажигалку. В ночном мраке всколыхнулся огонёк пламени, зажёг сигарету. С распахнутой дверью на балкон в комнату ворвался освежающий ветер, и тогда тонкая нить едкого дыма едва донеслась до девичьего нюха, из-за чего пришлось невольно поморщиться.

Ханну поразил резкий холод в действиях Соболева. Она помнила лишь его бережные прикосновения, убаюкивающий шёпот. А сейчас её пробило до дрожи. Не найдя лучшего варианта, кроме как пробубнить неловкое «Спасибо», она скользнула в ближайшую дверь, которая вела в ванную комнату прямиком из спальни, и только тогда поняла, что ноги трясутся, а по щекам текут слёзы.

Больше на неё не смотрела в зеркале шикарная девушка

с аккуратными локонами, умелым макияжем и прекрасной улыбкой. Лишь возжеланная, обруганная танцовщица бурлеска, продавшая свою честь за успех. С растрёпанными волосами, со стёртой помадой, потёкшей тушью, смазанными малиновыми поцелуями и пунцовыми следами.

Больше не невинна. Ничуть не лучше актрис, которых осуждала за то, каким именно способом они исполнили свою мечту.

Соблазнительная, испорченная, грязная. Так низко, так пошло.

III

Девушку окружал лишь туман. Едва ли что-то долетало до слуха. Каждое движение было выполнено инстинктивно в ответ на строгий наказ хореографа. Безо всякого раздумья пальцы защёлкивали застёжку на новом сияющем бюстгальтере для будущего выступления. Тряслись руки, держащие веер из алых перьев; едва сорвался с губ тихий скулёж, когда тонкая указка стукнула о запястье, повелевая держать планку. Грубые слова не были уловлены разбитым сознанием.

Всё было мутно. Силуэты, декорации, костюмы сливались в пятна; музыка, голоса, стук каблуков лишь порождали гуление в ушах. Так пусто было на душе, и лишь сдавленность в горле напоминала девушке о том, что она всё ещё жива. Вернее, продолжает существовать.

Даже после того, *что* произошло. Даже после того, как покорилась. Отдалась. *Оправдала.*

Её взгляд лишь на пару секунд остановился на посетившем репетицию Николае. Он подозвал к себе хореографа, обмолвился с ним несколькими словами. И было в его лице и глазах нечто зацепившее. Подтекст, который Ханна так и не смогла разгадать; она даже едва ли заметила, что после короткого разговора работник клуба стал чуть более ласков с ней и что Клинов следил за каждым её движением. Без пошлости и даже любопытства. С некоторым беспокой-

ством. Будто он не только знал, *что* произошло той ночью, но и чувствовал её страх, стыд, ненависть к себе же.

И вновь взгляд прикован к зеркалу в персональной гримёрной. Лёгкий, естественный макияж. Волосы, собранные в чуть растрепавшийся пучок. Маленькие серёжки – не серебро, бижутерия. Скромное платье, ночью соскользнувшее с плеч и упавшее на пол в чужой спальне.

Лицо без прежней лучезарной улыбки. Пустота, неведомое отчаяние в глазах. Непонимание, как жить дальше, как мириться с произошедшим. Как простить себя за то, что позволила.

Хотелось дать волю эмоциям, но все слёзы были выплаканы минувшей ночью, когда горячая грудь прижалась к голым лопаткам, из-за чего холодная дрожь пробила всё тело сильнее. Когда мужские руки вытянулись вперёд, загребли в осторожные объятия, а пальцы сомкнулись вокруг трясущихся ладоней. Тёплое дыхание щекотало шею и затылок; порой доносилось едва различимое, совсем тихое сопение. А она не спала. Плакала. Бесшумно и долго. От всё никак не утихающей лёгкой боли. От пережитого ужаса. От чувства злости на себя.

Ничто не разрушало ночное молчание, лишь слёзы безостановочно текли по щекам, щипая покрасневшие глаза и нежную кожу. Безмятежный сон завладел девушкой, только когда мокрые дорожки сверкнули огоньком февральского рассвета.

Деликатный стук в дверь заставил вздрогнуть, инстинктивно зажать на пару секунд большим и указательным пальцами переносицу и шмыгнуть, прогоняя прочь давление в глазах, и только после этого удалось подняться со стула, на дрожащих ногах пройти к двери, отпереть.

– В следующий раз спрашивай, кто стучит.

Ханна, не успев ни о чём подумать, покорно отступила назад, когда Виктор настойчиво протиснулся в ярко освещённую гримёрную. Медленно прошёл от одной стены к противоположной, проводя ладонью по попадавшимся поверхностям.

– Что это за дрянь? – Пальцы коснулись палетки, раскрыли стеклянную крышку.

– Тени, – танцовщица до такой степени растерялась, что даже не закрыла дверь обратно, а голос дрогнул.

– Я знаю, что тени. – Подушечка среднего пальца оставила на тыльной стороне ладони мерцающий красный след. – Фирма дрянь.

С тихим стуком захлопнулась крышка – и сразу после этого раздался треск: палетка упала в мусорное ведро и разбилась. Только тогда девушка сделала пару шагов вперёд, просипев короткое «Виктор Андреевич», но он перегородил ей путь ко столу вытянутой рукой.

– Это низко – танцовщице в клубе самого Николая Александровича пользоваться дешёвкой. – Взгляд едва коснулся помады и туши, как и те оказались рядом с палеткой, из-за

чего в горле Ханны встала пушная тяжесть. – Я не хочу открывать твой ящик и видеть там прочее барахло. Сама выкинешь.

– Но... – хотелось сказать, что когда-то на это уходили едва не последние деньги, но язык не повернулся. Больше она не позволит себе так унижаться.

– Не бубни. – Мужчина опёрся поясницей о стол. – Лучше собирайся, по магазинам прогуляемся.

– Виктор Андреевич, – было стыдно. Настолько, что слова кололи изнутри, – я не могу позволить себе это.

– Во-первых, – одна его рука неожиданно сжала стройную талию, другая обхватила плечо, из-за чего раздался шумный вздох, – просто Виктор.

Он был до неприличия близко; Ханне показалось, что его губы вот-вот накроют её. Она уже смиренно прикрыла глаза, как вдруг ощутила горячее дыхание на своём виске. Показалось, что Виктор коротко, совсем тихо усмехнулся.

– Во-вторых, если я настоял, значит, за мой счёт.

Ханна почувствовала, как к щекам прихлынуло тепло. Она боялась покраснеть прямо сейчас, в его руках. Нельзя. И без того всё это низко.

Но льнуть к нему, его тёплому телу, настойчивым прикосновениям и ласковым словам хотелось сильнее. Казалось, они затмевали скудные остатки её гордости, растворившейся с уходом в зрелищный, вульгарный бурлеск.

– Я не могу принять это, – слова были прошептаны на бла-

женном выдохе, и она невольно чуть задрала голову, когда дыхание коснулось шеи. Ожидала поцелуй, но не получила, из-за чего ноги чуть дрогнули в нетерпении.

– Считай, что я пригласил тебя на свидание.

Та поперхнулась, а щёки всё-таки покрылись румянцем. Между тем руки настойчивее сжали кожу сквозь ткань светлого платья, а кончик носа блуждал по шее, собирая в единое созвездие замаскированные пудрой следы страсти, оставшиеся с минувшей ночи.

Ханне на пару мгновений показалось, что пол рухнул. Сердце затрепетало чаще, а дыхание сбилось в край. Этот мужчина был слишком непредсказуем, и контраст его действий обжигал болезненно и приятно одновременно. Рядом с ним разум растворялся. Отвращение к себе и гордость забывались мгновенно.

Она не понимала, что это было такое – голос затрепетавшего сердца или изнывание сломанного рассудка. Одно она знала точно: он умел покорять, подчинять, заставлять чувствовать. Былая пустота растворилась, смешалась со стыдом и честью, агонией и наслаждением. Такое позволяло ощущать себя наконец-то живой.

– Своеобразное свидание, знаешь ли, – её голос оборвался, когда тёплые губы оставили поцелуй на бешено пульсирующей сонной артерии.

– Не переживай, вечером будет куда интереснее. – Его губы поднялись к лицу девушки вновь, чуть не сомкнулись с

чужими – и Виктор окончательно отпрянул, оставив танцовщицу без хватки и ожидаемого поцелуя. – А пока собирайся. Буду ждать на улице.

После его слов в коридоре послышался наскоро отдаляющийся стук женских каблуков. Подслушивали.

Один лишь брошенный на стенд с дорогими косметическими средствами любопытный взгляд – и сотрудница магазина, выслушивая указания Виктора, с предоброй улыбкой кивала, охотно рекомендовала разнообразные товары. Подбивала купить всё больше и больше, а Соболев с ответной улыбкой велел нести всё на кассу. Только Ханна чувствовала себя до жути неловко, с каждой минутой лишь нервнее сжимала чужой локоть, то и дело нашёптывая: «Хватит, Виктор, больше не нужно».

Совсем провалиться сквозь землю захотелось от даже не предложения, а наказа заглянуть в пару-тройку бутиков. Она складывала ладони, укрытые шёлковыми перчатками, на животе, неловко поворачивалась то одним боком, то другим, демонстрируя очередное платье; он всплёскивал руками, не без восторга восклицая:

– На сцене иначе себя вела! – Затем руки соскальзывали в карманы пиджака, он наклонял голову чуть набок, детально изучая каждый новый образ. – Где же та бесстыдная танцовщица, приковавшая к себе всё внимание с самого дебюта?

Взгляд устремился в пустоту. Краска не прилилась к щекам – напротив, лицо только побледнело, а к глотке подо-

брался ком. Стыд. Омерзение. Разочарование.

– Гляди, так и потухнешь совсем, только-только взойдя на звёздное небо. – Виктор бросил девушке белую горжетку, и та ахнула от неожиданности, однако ловко поймала мягкий аксессуар. – Примерь-ка.

Ханна покорно развернулась обратно к зеркалу, небрежно накинула мех на шею. Повернулась боком, из-за чего шпильки в очередной раз стукнули о пол. Посмотрела на свою талию, идеально подчёркнутую чёрным облегающим платьем с вырезом едва не до бедра. Чуть опустила пушистую накидку, забросила на одно плечо, обвила вокруг другого. Сложила на животе ладони, укрытые длинными чёрными перчатками, – и уголки её губ невольно приподнялись. Контраст оказался беспроегрешным вариантом, и Виктор, осознав свою победу, улыбнулся.

– Совсем другое дело. Хоть в Голливуде сниматься.

Знал, на что надавить, заставив поперхнуться от так и не унявшегося гадкого чувства сдавленности в горле. Внушить, что желанного исхода ни за что не могло быть. Что это было лишь отдалённой мечтой о чистой славе, взамен которой была куплена грязная за *слишком* дорогую цену.

– Виктор, давай начистоту, – танцовщица попыталась говорить чётко и уверенно, будто тому могли помочь скрещённые на груди руки. – Почему мы здесь? К чему эти бутики, брендовые одежды? Вечернее платье и дорогой парфюм, в конце концов?

"Показывает этим мою цену? Люксовое тряпье и аромат – то, за что меня можно купить?"

К глазам подло подбирались слёзы, однако Ханна, уведя взгляд в сторону, проморгалась, отгоняя прочь влажную пелену.

Не церемонясь, Виктор сделал пару шагов вперёд – так, что обернувшаяся девушка попятилась бы назад, если бы за спиной не было зеркала во весь рост.

– Николай Александрович сегодня устраивает светский вечер в своей вилле. – В глазах девушки так и читалось непонимание, потому Виктор пояснил: – Не волнуйся, выступать не будешь. Пойдёшь со мной. Мы с Николаем Александровичем уже всё согласовали.

«Всё решается за меня. Без меня. Такова она – жизнь звёзд?» – чтобы не заплакать или не нагрубить, пришлось укусить нижнюю губу до боли и опустить взгляд вниз.

Лос-Анджелес, яркий, великолепный город в мечтах ещё совсем юной девочки, бежавшей прочь от войны за славой и успехом кинозвезды, медленно потухал; сейчас же он рухнул. Стал городом осколков сладостных, но несбыточных грёз. Городом притворства и боли. Местом, где голос и волю имеет только сильнейший, остальные же вынуждены подчиняться, пресмыкаться.

– Только не вздумай так же опускать взгляд на публике. Никто не переносит мрачность на лице. – Пальцы мужчины сомкнулись на тонком подбородке, подняли его, заставляя

девушку посмотреть прямо в почти чёрные глаза. – Это уже не в моде. Всем по нраву улыбка.

От его слов вдоль по позвоночнику пробежался мерзкий холод. Она покорно выдавила улыбку сквозь унижение и сдержанные слёзы.

Шумно. Мало воздуха. Безысходно – настолько, что мужской локоть стал единственной верной опорой сейчас. От выдавленной улыбки становилось тошно, от амбре дорогих парфюмов кружилась голова. Никогда роскошная вилла не казалась Ханне местом, в котором становилось настолько дурно.

Лица сливались воедино, многие имена забывались тут же. Она терялась среди множества киношников и бизнесменов и, скрывая сдавленность в горле за приветливой улыбкой, всё льнула к Виктору в ответ на слова других гостей о том, что из них вышла прекрасная пара. А он оставлял невесомый поцелуй на оголённом изгибе шеи и плеча и сильнее сжимал кожу на талии девушки сквозь недавно купленное чёрное платье. По-собственнически.

Одно знакомство сменяло другое. Непрошенные прикосновения напоминали обо всех ужасах минувшей ночи. Сплетня за сплетней сливались в единый гул.

Вместо улыбок и комплиментов всюду мерещились насмешки. Ханне казалось, будто каждый гость точно знал о произошедшем. Будто Виктор рассказал всё: о слезах и мольбах, о том, до чего же она жалка и вместе с тем желанна.

О том, как за одну лишь ночь святая стала обесчещенной.

Всё-таки осмелившись сказать о необходимости припудрить нос, танцовщица смогла ускользнуть из эпицентра роскошного вечера и юркнуть на улицу, перед этим ненароком услышав очередную нелестную речь, от которой, казалось, вот-вот стошнит:

– Поговаривают, мистер Соболев держит дом моды лишь для галочки, даже не управляет им – сутенёры и без дополнительного заработка в золоте купаются! – едва рассекающий гомон громкий шёпот из уст вульгарно одетой дамы казался змеиным шипением.

– Я слышала, что он даже своими проститутками не брезговал! – воодушевлённо проверещала её подруга и, пустив короткий смешок, приложила подушечки пальцев к губам.

Лёгкая вечерняя прохлада и поздний ветерок не освежили, не развеяли осадок. Появилось странное, неконтролируемое желание закурить, пусть танцовщицу всегда воротило от едкого запаха дыма. Пообещав себе попросить сигарету у кого бы то ни было, но, как назло, никого не обнаружив на террасе, Ханна сложила руки на гипсовых перилах и облокотилась, чуть свесившись вниз и уставившись на отражение звёзд в длинном бассейне.

Минуты текли, но досада не отступала. Лишь мелкая рябь покрывала водную гладь, когда бриз пытался нашептать слова успокоения. Ощувив привкус железа, девушка мысленно ругнулась, слизала капли крови, протёрла губы друг о друга

и сделала глубокий вдох, запрещая себе кусать нежную кожу вновь. Хотелось, чтобы стало хоть как-то легче.

– Необычное место, чтобы припудрить нос.

Девушка от неожиданности едва не взвизгнула и обернулась, постаралась натянуть на лицо маску невозмутимости.

– Мне казалось, мужчины из высшего общества знают, что девушка отходит не припудриться.

– Для чего же тогда?

Он играл с ней, но эта игра напоминала хождение по тонкому льду. Медленную, непринуждённую охоту, исход которой предсказуем. Скользнувшая к талии ладонь так и демонстрировала, что Ханна загнана в ловушку, единственный способ выбраться из которой – правильно подбирать слова.

– Чтобы не наделать и не наговорить глупостей.

Свободная рука мгновенно ухватила за подбородок. Некрепко, но угрожающе. Ханна пошатнулась от такого и едва бы устояла на ногах, если бы пальцы не сжали талию и не подпихнули тело навстречу, прижимая живот к животу.

– Расскажи мне всё.

Его голос был абсолютно спокоен, но от этого стало не по себе. Его безэмоциональный тон напоминал приказ, послушаться который невозможно. Который необходимо выполнить сквозь смущение и страх.

– Я слышала сплетни. Люди шепчутся о твоём образе жизни. – Она старалась увести взгляд в сторону, но Виктор нарочно держал верно, ловя каждый блеск испуга в глазах и

каждый взволнованный стук сердца. – Я боюсь, что они видят во мне лишь способ покончить со слухами о твоих связях с... *разными* дамами.

– Сплетни на то и сплетни, чтобы распускать их за спиной эталонов, лишь бы хоть как-то сравнять себя с ними. Лишь бы не ударить в грязь лицом.

Пальцы вцепились в нежную кожу сильнее – настолько, что челюсть заныла и пришлось обронить короткий, жалобный скулёж, невольно ухватиться за крепкое запястье в безуспешной попытке оттащить мужскую руку. Дыхание перехватило от паники и осознания собственной беспомощности.

– Но ты ведь не глупенькая, чтобы верить каким-то слухам и бояться, что подумают о нас?

Его улыбка под приглушённым светом, пробивающимся сквозь панорамные окна, казалась безумной. Ханна проморгалась, отгоняя прочь пугающее наваждение – и увидела лишь неудачную игру теней и света. Улыбнулась – ласково, тепло, почти позабыв о том, что челюсть едва не сводило от давления. Легонько, насколько позволяла чужая хватка, мотнула головой.

– Вот и правильно. – Пальцы Виктора разомлели, и девушка отпрянула немного назад, дрожащей кистью протирая чуть покрасневшую кожу, на которой осталось несколько невзрачных следов от коротких ногтей. – Каждый думает друг о друге, что врагу не пожелаешь. Но они нам улыбаются

и говорят комплименты — и это главное, запомни.

Ханне всё казалось, что за ними следят в упор, стоя прямо напротив стеклянной двери, ведущей на террасу. Почему-то мысли посетил хрупкий силуэт, окутанный дымкой от сигареты, вставленной в длинный мундштук. Новая волна короткой тревоги накрыла всё тело, заставила содрогнуться и перевести взгляд в сторону виллы, но там никого не было.захотелось списать всё на недавнее разочарование и прохладу ветра.

Лос-Анджелес был городом фальшивых улыбок. Городом грязи, пороков и грехов, скрывающихся за яркой оболочкой роскоши, славы и восторга.

Городом, в котором царили лицемерие и ложь.

IV

Дни стали точной копией друг друга: утренние и дневные репетиции, вечерние выступления или мероприятия, ночные мгновения уединения. Страх и едва сдержанные слёзы, желание и наслаждение – такая бурная смесь дурманила, растворялась в ласковых столах и голодных прикосновениях.

День. Одного лишь появления на роскошном вечере Клинова в обществе Соболева хватило, чтобы вызвать море смешанных эмоций у публики. Танцовщицы переглядывались и перешёптывались, когда на репетицию приходила Ханна. От неё оставался шлейф нового, теперь же дорогого парфюма. Хореограф относился к ней бережнее и уже не столь скупался на похвалу.

Ранний вечер. Припудрены бледные синяки и розоватые отметины, волосы накручены на бигуди, от яркого запаха красного лака появляется желание чихнуть. Пальцы осторожно, дабы не смазать яркий маникюр, листают очередной модный журнал; голые ноги, выглядывающие из-под короткого шёлкового пеньюара нежно-розового цвета, болтаются в воздухе в такт джазовой мелодии с излюбленной пластинки.

Раскрывается дверь – Ханна, заинтересованная новой брендовой коллекцией, даже не поднимает взгляд. Виктор не мог не усмехнуться, увидев всюду валяющиеся средства для

ухода за кожей, косметику, ожерелья и бусы, не подошедшие бигуди. Поначалу такой дамский беспорядок выводил из себя, но после стал казаться лишь безобидной и вместе с тем забавной игрой.

Ей же всё равно. Её не привлекают улыбки и комплименты, аплодисменты и восторг. Её радуют одни лишь ювелирные изделия да дорогая одежда, которые совсем недавно не могла позволить. Она находит утешение в пластинках. Наконец-то полноценный сон, благодаря которому вечная тревога и постоянная усталость спадают.

Это лучше, чем минувшие месяцы изнурительных стараний за скудную плату и отсутствие какого-либо веса в обществе.

– Что-то интересное нашла?

Только тогда Ханна оторвала взгляд от глянцевої страницы и обратила внимание на Виктора. Она смотрела на него совсем пусто, равнодушно, хоть и сверкнула в её тёмных глазах искорка кокетства.

– Хочу вот это платье. – Подушечки её пальцев очертили стройную фигуру модели, скользнули по контуру белого платья с утончённым шлейфом, глубоким вырезом и подчеркнутой грудью, после же самый кончик ногтя осторожно ткнул на жемчужное украшение на шее девушки с фотографии. – И такое ожерелье.

– У тебя же есть похожие бусы и молочное платье почти такого же фасона.

В его голосе не было ни единой нотки упрёка или недовольства. Лишь игра, которой Ханна охотно поддалась. Выгнулась, присев на колени и едва не смяв шёлковую простыню, подняла руки вверх и потянулась. Спина затекла, а долго упиравшиеся в матрас локти порумянили.

– Вик, ты не понимаешь, это платье совсем другое, – тон её растянутый, кажется скучающим, – а мои ожерелья к нему не так подходят, как это.

Виктор хохотнул. Подошёл ближе к постели, чуть нагнувшись, расположив тёплые ладони на талии и прижав к ней тонкую ткань пеньюара, только-только потянул к себе, завлекая девушку в интимные объятия, как Ханна стукнула мужчине побелевшими ладонями по плечам, заранее растопырив пальцы.

– Ты мне причёску и маникюр испортишь.

Он смотрел на неё с улыбкой на протяжении нескольких секунд – и всё-таки осмелился уволочь за собой, под визг и ругань поставил босыми ногами на мягкий ковёр, сразу после чего ткнулся носом в шею. Осторожно, чтобы не задеть бигуди.

– Видишь, я аккуратно. – Рука скользнула на поясицу, прижимая танцовщицу грудью к его груди. – Да даже если бы и испортил, ничего страшного не произошло бы.

– Тогда мы бы опять опоздали.

– Вот трагедия!

– Да не говори. – Ханна цокнула в ответ на полуиздева-

тельский смешок. – Мужчин красят статус, самоуверенность и дорогой костюм, женщин – причёска, макияж и маникюр.

Виктор же совершил то, что, казалось, могло повлечь за собой необратимые последствия – пальцем коснулся одной из намотанных прядей. Ханна ахнула от такой наглости и дёрнулась назад, но её крепко удержали за талию, не позволив отстраниться. Игра продолжалась, и танцовщица не намеревалась мириться с поражением.

– Кстати, раз уж мы заговорили, что кого красит...

Взгляд девушки поменялся вмиг – стал непринуждённым, кокетливым. Пожалуй, ещё пару недель назад Ханна осудила бы себя за такое поведение, но грань между гордым и вульгарным уже стёрлась. Пальцы всё ещё аккуратно, но увереннее коснулись воротника домашней рубахи, не то заботливо поправляя его, не то нарочно сжимая.

– Что там насчёт того платья? – Несколько раз хлопнула густыми ресницами. Совсем невинно.

– Ох, Ханн. – Виктор вытянул шею, не позволив слишком туго затянуть воротник, и сразу после этого накрыл чужие губы томным, медленным поцелуем, продлившимся лишь несколько секунд. – Хочешь, в моём модном доме сошьют? Только для тебя. В разы лучше и из более дорогой ткани. И ожерелье я тебе куплю другое – роскошнее того. И жемчужные серьги, и новый парфюм. Какой акцент хочешь? Пион, жасмин? Или, может быть, гардения?

Она, довольная, захихикала и обняла мужчину за шею,

встала на цыпочки, потянувшись к его губам. Только-только он сомкнул веки, затрепетав в кратком ожидании поцелуя, как девушка легко вырвалась из его рук и плюхнулась обратно на постель, подобрав глянцевый журнал. Виктор улыбнулся шире.

Поздний вечер, плавно переходящий в ночь. Лилась из глубины зала размеренная игра на фортепиано и саксофоне. Приглушённый свет перенёс позднюю мглу в виллу. Где-то тихонько ударялась вилка о тарелку; с задорным звоном стукали друг о друга флюте шампанского и бокалы дорогого вина. Порой можно было услышать короткий женский смешок в ответ на очередную сплетню.

Сладковатый дым с вишнёвыми нотками неприятно обжигал чувствительный к табаку нюх, и Ханна невольно из раза в раз оборачивалась в сторону незнакомки. Слишком вальяжно закинута на колено нога. Слишком глубокий вырез, что из-под алого бархата выглядывали чёрные ремешки кружевного пояса. Слишком ярко сверкали бриллиантами её ожерелье и браслет.

Слишком равнодушно она выдыхала дым – и все гости с таким же равнодушием даже не смотрели на неё. Пусть и знали, что Николай Александрович не терпит курения в своей вилле – дурно становится от запаха каких попало сигарет. Только на улице, либо только те, которые он одобряет. Но эта дама, казалось, нарочно позволяла себе *слишком много*.

Она выглядела скучающей. Огоньками софитов перели-

валась клубника в её пальцах, красовавшихся аккуратным красным маникюром. Шатенка небрежно махнула рукой, и тут же подбежавший к ней парень в костюме чуть поклонился – казалось, в качестве извинений за свою медлительность, – поставил пустой бокал на стеклянный поднос и удалился.

В какой-то момент она поймала на себе неосмотрительный взгляд, и Ханна тут же уставилась в глубь зала, будто всё время смотрела только туда. Вверх по её телу скользнуло неприятное ощущение, заставившее вновь встретиться взором с незнакомкой. Она же сделала лёгкий глоток только что принесённого белого вина, хлопнула ресницами, будто подзывая к себе.

– Чтобы заинтересовать Дашеньку, нужен талант. – Клинов отставил свой sniffтер коньяка на стол, отвлѣкшись от беседы с Соболевым. – Дамы считают за честь даже короткую беседу с ней.

Повторять Ханне не пришлось. Она кивнула, подождала, пока Виктор уберѣт ладонь с её колена, укрытого чѣрным подолом, смиренно поднялась и прошла за столик напротив. Еѣ взгляд гипнотизировал настолько, что Ковальская невольно проследила за ним: он казался направленным на Виктора. Моргнула пару раз; Дарья теперь же тепло встречала им будущую собеседницу.

Юноша галантно отодвинул стул, приглашая присесть.

– Знаешь русский?

– Вполне.

– Что будешь? – дама приветливо улыбнулась девушке, заговорив на родном языке. Ханна сразу поняла, что на то была причина. Показалось, что она хотела бы что-то скрыть от назойливых ушей, чтобы лишний раз не стать объектом сплетен.

– Доверюсь вашему вкусу.

– На ты, – не то добродушно, не то с ненавистью к такому обращению отчеканила та, после же повернулась к парню и проговорила на безупречном английском, будто от рождения жила в Америке: – Ещё один бокал принеси. И ягоды почти закончились.

Совсем скоро они остались наедине за этим столом. Ханна смяла ткань платья и тут же разжала пальцы, ощутив, что даже сквозь одежду ногти неприятно впивались в ладони. Перебрав в голове обложки всех модных журналов, главные женские роли в известнейших голливудских фильмах и всё равно не поняв, кем могла бы являться так высоко представленная Николаем Дарья, она всё-таки сдалась:

– Мы знакомы?

– Печально, печально, – запричитала Дарья и демонстративно протянула свою изящную ладонь. – Клинова Дарья. Для подружек просто Даша.

Ханна уставилась на новую знакомую с так и читающимся в глазах удивлением, но всё-таки приняла лёгкое рукопожатие. Их пальцы разомкнулись через несколько мгновений.

– Пусть и не удивительно. Меня редко можно встретить в

коридорах виллы или на мероприятиях.

– Никогда бы не подумала, – чуть дрогнувшие пальцы сомкнулись вокруг шпажки, и та вонзилась в голубику с перламутровой тарелки в форме замысловатой ракушки, – что у Николая Александровича есть взрослая дочь,

– Я его супруга. – От шока Ханна едва не подавилась, пока отпивала белого вина, и Дарья не без удовольствия засмеялась, обнажая свои ровные белые зубы. – И всё-таки благодарю за комплимент. Приятно, что так молодо выгляжу.

– Я едва могу поверить, что тебе больше двадцати пяти лет.

– Мне двадцать четыре.

– Но Николаю Александровичу же...

– Он родился в Российской Империи, – Дарья нагло прервала собеседницу. Ни она, ни её супруг терпеть не могли, когда заикались о его возрасте. – Пусть он и был ещё совсем юн, когда всё рухнуло, но с детства ему прививали консервативные взгляды. На них же выросла и моя мать.

Клинова с идеально отточенной грацией пару раз стукнула указательным пальцем по чёрному длинному мундштуку, стряхивая пепел. Совсем скоро она медленно выдохнула ароматный дым. Даже курила она *слишком* красиво.

– Этот брак был заключён против воли? – Ханна, поморщившись от запаха табака, нервно отпила полусухого вина.

– Скажем так, я была вынуждена согласиться. – Танцовщицу поражало отсутствие эмоций в голосе собеседницы.

Ни боли, ни сожаления, ни отчаяния – она словно рассказывала о незнакомке. – Этот брак – далеко не то, чего я желала, но согласилась сама. Кандидатуры, которая будет лучше Николая Александровича и вместе с тем угодна моей матери, быть не могло.

Ханна бросила короткий взгляд в сторону мужчин – те, казалось, позабыли о спутницах, пока увлечённо вели беседу.

– В нём течёт дворянская кровь, что являлось главным для моей матери. Чудом его семья смогла мигрировать после революции, увезти часть драгоценностей и заполучить здесь всё: деньги, статус, уважение... – Дарья всучила мундштук стоявшему подле неё официанту, вытерла чуть липкие от ягодного сока пальцы салфеткой, которую небрежно кинула на блюдо, достала из бархатного ридикюля длинные чёрные перчатки, натянула их выше локтей, поправила браслет, после же закурила вновь. – Он щедр на подарки, но скуп на внимание и ласку. Я никогда не была обделена брендовыми одеждами и ювелирными изделиями, но вместе с тем никогда не знала, что такое быть по-настоящему любимой.

Ханна приложила пальцы к горлу, ощутив внутри ком. Это противное чувство стало уже привычным и оттого более омерзительным.

– Потому что он любил не меня. – С явным отвращением она вдавила сигарету в пепельницу. Нити дыма всколыхнулись и устремились вверх, окутав её напряжённую кисть. –

Он покупал платья, не спрашивая, нравятся ли они мне. Водил по салонам и говорил парикмахерам, в какой цвет красить волосы и какую укладку делать.

Дарья достала вторую сигарету, хотя первая так и продолжала одиноко дымиться в пепельнице, угасая. Клинова больше не смотрела на собеседницу – её взор был направлен в сторону террасы за стеклянными дверьми. Не то любовалась ясным ночным небом, не то глядела в пустоту.

– От ненавистных мной парфюмов кружилась голова. Хотелось оказаться наедине как можно скорее, чтобы стереть ярко-красную помаду. От желания курить тряслись руки, но именно от этих сигарет хотелось кашлять. – Она курила совсем без удовольствия и без единой нотки чувства облегчения, будто только табак позволял дышать. – Но я свыкалась. Я приняла, полюбила всё это, потому что так было угодно ему.

– Даш...

– Не нужно меня жалеть. Омерзительное это чувство – жалость. – Дарья поудобнее закинула ногу на колено и расположила локоть на спинке стула, развернувшись к Ханне полубоком. – Рассказать хотелось хоть кому-нибудь.

– Ты всё время держала это в себе? – Ханна больше не прикасалась к бокалу и ягодам. Ничего в горло не лезло не то от сочувствия, не то от осознания своего отчаянного положения, чем-то похожего на чужое. Безысходное.

– Консерватизму больше нет места в обществе, но поло-

жение женщин едва изменилось. Мужчинам дела нет до жён. А с кем из дам делиться – с продажными? Мы с тобой хоть чем-то похожи и можем найти общий язык. А они разболтают и высмеют. Он сломал настоящую меня и склеил новую. Таковую, какая нравилась ему.

– Почему же Николай Александрович выбрал не ту, которая соответствовала его идеалу?

– Он оказался знакомым моих родителей. Было не совсем легко найти в Америке русскую девушку из семьи дворянского происхождения, не только обученную манерам, но и не отказавшуюся от своего рода. – Клинова протёрла пальцами висок, словно в голову ударила ноющая боль. Ковальской показалось, что собеседница бросила новый взгляд на Виктора, но до того короткий, будто ненарочный. – Мужчинам нравится покорность. Я помню, что до замужества любила белые платья. Этот гадкий белый цвет, этот завидный, чистый блонд меня бледнили. Это было воистину чудо, что Николай Александрович заметил меня, эту никому не нужную серую мышь, позволил взяться за его локоть и ввёл в общество.

Её губы растеклись в улыбке – не то счастливой, не то саркастической.

– Эти белые сарафаны в чёрный горошек, постоянно заколотые волосы... – Вдавленная в пепельницу вторая сигарета будто прошипела от боли. – Мерзость. Ненавижу.

Ханна не могла найти нужных слов. Она металась меж-

ду сочувствием девушке, жизнь и сознание которой в столь юном возрасте были сломаны бесповоротно, и страхом оказаться на её месте.

Она и предугадать не могла, чего добивался Виктор своей щедростью и вместе с тем практически полным отсутствием снисходительности по отношению к ней. Любой способ выкарабкаться из такого кошмара сейчас казался хорошим.

– Как же ты выдержала такое, Даш?

Дарья выдохнула скудные остатки вишнёвого дыма, и, когда он развеялся, Ханна смогла разглядеть пустоту в ранее ангельских глазах собеседницы. Отчаяние – такое же, которое она видела в зеркале после роковой ночи. Вновь щёлкнула позолоченная застёжка ридикюля – и на столе с тихим стуком оказалась маленькая табакерка, на которой была изображена знаменитая «Звёздная ночь». Ханна, ужаснувшись своей догадке, ахнула; голос её, и без того дрожащий, едва не оборвался:

– Николай Александрович сам предложил?

– Единственное, чего он не знает обо мне. – Завидев испуг в девичьих глазах и побоявшись, что супруг не вовремя повернётся в сторону этого столика, Клинова убрала табакерку обратно. – В своё время Виктор Андреевич посоветовал.

Пущая тяжесть встала в горле, а перед глазами всё поплыло – от разочарования, страха, ненависти. Она не знала, как теперь верить ему. Как принимать предложенные им бокалы и флуте, как душиться подаренными им парфюмами. Как

спать и просыпаться с ним в одной постели, как поддаваться его поцелуям – не осталось ли чего на губах?

Она боялась неведомой, но, быть может, уже развивающейся зависимости. Боялась, что подсядет чёрт знает на что, потеряет контроль над разумом и телом и чувство меры.

Где-то неподалёку раздался звон, из-за чего Ханна подпрыгнула на стуле, обернулась на звук. Незнакомец настолько активно жестикулировал во время рассказа, что случайно опрокинул бокал вина, и тот разбился. Мужчина подскочил – и к нему поспешил официант, пытаясь уладить ситуацию. Всего лишь ненароком разбитый бокал, но сердце заколотилось где-то в глотке.

В памяти всплыл жаркий май. Она никогда даже представить не могла, что солнце могло палить настолько ярко. Поднялся необычайно сильный морской бриз, всколыхнул пышные пальмы. Почти оправившаяся девочка высунулась в окно, подставила порумянившее, чуть загоревшее лицо тёплым лучам, зажмурилась, наслаждаясь. Подружка окликнула её, кажется, попросила подвинуться, но девочка не улавливала слов. Она наслаждалась зноем, о котором мечтала на протяжении двух последних морозных зим.

Девчушка смогла вклиниться к окну, и её русые волосы засияли золотом под ярким солнцем. Ровесницы прижались плечом к плечу и вместе упёрлись ладонями в подоконник, греясь и загорая.

Что-то зашумело в небе. Девочки нехотя разомкнули ве-

ки, прижали ладони ко лбу козырьком, сощурились – и одновременно взвизгнули, отпрянули назад. Светленькая рухнула на пол, не в силах двинуться от страха. Галя схватила её под мышками, за пару рывков чудом смогла поставить на ноги, параллельно крича о самолётах. Медсёстры засуетились, помогая раненым и больным подросткам подняться с коек и сопровождая других в укрытие. В госпитале воцарилась паника.

Послышался стремительно приближающийся свист, через пару мгновений – взрыв совсем рядом, оглушающий звон битого стекла. Пальмы, на которые Галя каждый раз смотрела с восторгом, затрещали, ломаясь. Она не знала, что это было – жуткий страх, самовнушение или правда, но ей показалось, что из ушей потекла горячая влага. Монотонное гудение застряло в голове. Девочка на бегу инстинктивно прижала указательный палец к ушной раковине – на подушечке отпечаталась алая кровь.

Последовал второй взрыв – стена рухнула, заживо похоронив под тяжёлыми обломками не успевших спастись. Но она уже не слышала ни криков, ни грохота. Хотелось остановиться на месте и надавить ладонями на уши, будто это могло прервать невыносимый звон, но кто-то ухватил её за руку – девочка не смогла разглядеть этого человека из-за слёз – и потащил за собой в укрытие.

Стало настолько дурно, что Ковальская подскочила, даже не попрощавшись; стук её каблуков был заглушён гомоном

пустых бесед и музыкой, уже не казавшейся такой нежной. Как из-под воды прозвучало вслед: «Благодарю за разговор. Надеюсь, как-нибудь обсудим остальное», – и Ханна лишь вымученно улыбнулась в ответ, на дрожащих ногах ступая к террасе, в панике оглядываясь и надеясь, что её отсутствия больше никто не заметит.

Запах качественного табака окружил мужчин, медленно попивающих хороший коньяк. Николай не подал виду, что заметил мелькнувшее в толпе знакомое чёрное платье, однако то натолкнуло его на мысль:

– Когда ж жениться собираетесь, Виктор Андреевич? – Клинов с уверенностью, присущей взрослому дворянину, держал трубку из морёного дуба. – Мужчине со статусом полагается.

– Я ещё слишком молод. Да и лишние обязательства, в которые сейчас влезать не желаю. Возьму пример с вас, пожалуй.

– Я женат уже как седьмой год.

– И сколько же вам тогда было?

Сказав это, Соболев улыбнулся двулико – не то шутливо, не то лукаво; Николай в ответ горько усмехнулся.

– Ой, не начинайте. – И сделал долгую затяжку, выдохнул дым через нос.

Лос-Анджелес отравлял. Он тушил надежду, оставляя от неё лишь пепел вечного страха и зависимостей, заглушающих горечь. Он давил, заставляя задыхаться.

V

Нетерпеливый звон аплодисментов умолял как можно скорее развести занавес; восхищённый гул, полный предвкушения, приветствовал новую любимицу публики. Тёмные волосы сверкали глиттером и любопытным узором невидимок с жемчужинками. Небрежный пучок верно держала заколка в виде крупной молочной ракушки, и лишь две прядки, завитые в волны, обрамляли сияющее чистотой и умелым макияжем личико.

Струилась лёгкая мелодия – именно так покачивали тёплые волны. Пальцы с блестящим маникюром сильнее обхватили ближний край стеклянной декорации, а нагие пятки упёрлись в противоположный, что позволило выгнуться и запрокинуть голову назад. Движения были плавны, хоть пальцы и побелели от напряжения, но не выдали ни единого признака дрожи. Невероятная выдержка.

Правая вытянутая ступня окунулась в лазурную воду, всколыхнула кучки пены. Взгляд устремился в зал – посетители замерли в упоении. Пару раз волнообразно качнулись бёдра вверх-вниз – и после колени вжались в дно декоративного бокала. Девушка демонстративно выгнулась, словно кошка, собиралась плеснуть немного воды потянувшимся к ней зрителям, но неожиданная вспышка со столика неподалёку заставила слегка сощуриться. Она устремила свой лу-

кавый взгляд чуть вправо, увидала юношу. Знакомое лицо. Кажется, поклонник, старающийся посещать если не каждое, то многие её выступления.

Заранее продуманный танец вылился в импровизацию. Ханна облокотилась локтями о бортик, прижалась к нему, расположив подбородок на тыльных сторонах ладоней и согнув колени так, что нагие пятки сверкали влагой. Лёжа в бокале, она послала фотографу воздушный поцелуй – и он поймал замечательный миг, запечатлев его на снимок. Но на этом её игривый настрой не был удовлетворён. Пальцы подцепили кончик фатиновой перчатки, стали резкими ритмичными движениями сдёргивать ткань с запястья; кто-то одобрительно засвистел. Но перчатка не упала на пол сцены, а оказалась элегантно подброшена в зал – и её с самодовольной улыбкой подхватил фотограф, удостоившийся уже второй дорогой награды от своего кумира.

Сердце стукнуло один раз, второй, но не в приятном волнении. Она устремила свой взор на уже давно знакомый столик, который всегда занимали только эти двое мужчин. Лицо Виктора не выражало никаких эмоций, однако его взгляд будто давил. Ханна зачерпнула немного воды, демонстративно прижала указательный и средний пальцы к губам, из-за чего капли устремились вниз по шее и груди. Это помогло отогнать неприятный морок: Соболев смотрел заинтригованно. Она очаровательно улыбнулась ему в ответ и подмигнула, решив не обделять вниманием и его – и совсем скоро

в его руке оказалась вторая чуть влажная перчатка. Его губы расплылись в улыбке, а Николай сдержанно усмехнулся.

Веселье растворилось в ароматном воздухе, когда владелец клуба заметил, насколько крепко напряжённые пальцы сжимают снифтер, на самом дне которого дрогнули скудные остатки янтарного алкоголя. Николай элегантно жестом подозвал к себе официанта и повелел налить гостю новую порцию коньяка, которая вскоре оказалась выпита едва не залпом. После этого Виктор молча достал портсигар и нервно закурил.

Но того Ханна уже не заметила. На ладони оказалась кучка пены, которую она легко дунула в сторону зрителей, и сразу после этого танцовщица откинулась назад, уже обеими ногами изящно расплескав воду. Завершая короткий, но зрелищный танец, она подняла руки вверх, скользнула влажными костяшками по запястью, очертив контуры лазурных вен, и сомкнула кисти так, чтобы жемчужные браслеты вновь сверкнули светом софитов. Едва музыка угасла, последовали бурные аплодисменты и клики восхищения.

Настойчивый, грубый стук, который Ханна узнает из тысячи. Даже не застегнув ремешки пояса на чулках, она бросилась отпирать дверь нетерпеливому Виктору, уже предвкушая его пылкий, глубокий поцелуй. Он же наскоро протиснулся в гримёрную – и девушка хихикнула, закрывая дверь, вальяжно пошла за ним, поднявшись на носки: пол казался

прохладным для ходьбы почти босиком. Обвила руки вокруг мужской груди, прижалась щекой к лопаткам сквозь чёрную ткань. Он остановился, и Ханна улыбнулась его игре. Вынуждает или действовать самой, или просить.

Она целует его в шею, уловив чувствительными губами, как запульсировала сонная артерия. Но внешне Виктор остался непоколебим, скорее даже равнодушен. Ему всё мало. Требует искренности.

И она поддаётся его провокации. Правая рука скользнула под пиджак, провела вдоль по ключице через рубашку. Он тихо вздохнул – девушка победно улыбнулась. Хотела продолжить свою игру, только-только коснулась верхней пуговицы, как он вцепился в её запястье. Крепко, голодно. У неё ноги дрогнули в мучительном ожидании. Ковальская прикрыла глаза, прижавшись к спине возлюбленного сильнее.

Но помешал новый стук в дверь. Оба растерялись настолько, что хватка Соболева разомлела, а танцовщица поддалась на пару шагов назад. Она немедленно кинулась к ширме, содрала с неё небрежно брошенный молочный пеньюар, накинула его на почти голое тело, наспех завязала пояс.

– Ханн, не открывай.

Она объяснила его командный тон нахлынувшим возбуждением. И захотела поиздеваться в ответ, подбежала к двери. То ли ей показалось, то ли действительно Виктор грубо схватился за шёлк пеньюара, но она не придала этому совсем никакого значения, ведь ткань мгновенно выскользнула из

напряжённых пальцев. Его громкий выдох сквозь ноздри потонул в звенящем повороте дверного замка.

Ханна замерла, узнав фотографа. Волна дрожи прошибла всё тело. Девушка сильнее запахла зону декольте, хоть и знала, что стесняться ей в таком виде нечего. Виктор не шелохнулся, ожидая, что возлюбленная тут же вернётся, но этого не последовало: она, напротив, прикрыла за собой дверь, чтобы незнакомец не увидел, что в гримёрной та была не одна.

Будто вместе с кровью по телу растеклось неприятное чувство тревоги, но Ханна легко уняла его, гордо вскинув голову. Только тогда она поняла, что мужчина не разглядывает её, не смотрит даже на чуть обнажённую шею. Его взгляд мечется в волнении и, наконец, находит её, недоумевающий.

– Мисс Ковальски, простите за такое вторжение, не успел раньше...

– Всё в порядке. – Девушка покосилась на свежий букет в его руках, и ей всё стало ясно, однако из вежливости спросила: – Вы что-то хотели?

– Не хотел отвлекать вас. – Он сразу же протянул ей белые лилии. – Примите скромный подарок.

Она, не скрывая своей улыбки, охотно приняла букет, глубоко вдохнула нежный аромат цветов, аккуратно коснулась подушечками пальцев воздушных лепестков – и тихо ойкнула, наткнувшись на уголок. Достала уже проявившуюся чёрно-белую фотографию и увидела на ней себя, посылающую

воздушный поцелуй.

– Очень красиво получилось, – в голосе Ханны не было ни единой нотки спеси. Она действительно восхищалась удачной игрой контраста и идеально пойманными тенями. – Вы профессиональный фотограф?

Мужчина молча кивнул, осторожно притронулся к фотографии так, что их пальцы ненароком соприкоснулись. Пару мгновений они, словно застывшие, стояли в таком положении, пока незнакомец не перевернул плотный лист, на котором красными чернилами было написано стихотворение на родном ему языке:

Вспышка поймает
каждый твой взгляд,

Все до единого
жесты, новый наряд.

Справа и слева,
снизу и прямо –

Всюду пленяет
чувств разноцветная гамма.

Ты чиста и мила;
ты порочна, грязна.

Раньше святая,
после грешна.

Нынче владычица,
завтра – отчаянна.

Каждая роль точно
тебе уготована.

Поцелуй
невесомый, взгляд твой игрив.

Лёгким движением
кисть оголив,

Манишь, на грех
соблазняешь

И безмолвно навек
покоряешь.

И я опьянён,
красотой твоей сломлен,

Но ведаю я: путь
этот тёмен.

Так позволь же ты
мне, о прекрасная Мадонна,

Пред тобой на
колени упасть,

Поцелуями руки
обсыпав голодно...

Взгляд наткнулся на подпись в правом нижнем углу листа:
«Эшворт». Её подчеркнула тонкая линия, продолжившая за-

виток последней буквы. Его почерк был наклонён вправо и изящен, будто отточен до идеала.

– Полагаю, Эшворт – фамилия? – В ответ девушка получила короткий кивок. – Как вас зовут?

– Дилан. Для вас просто Дилан, – говорил он благоговейно, точно действительно был готов прямо сейчас упасть перед кумиром на колени и начать расцеловывать её кисти. Его ладони были неловко заведены за спину, а волнистые золотые пряди растрепались в спешке.

– Вы очень красиво пишете, Дилан. – Меж лопаток вновь ударило мерзкое чувство и растеклось вверх и вниз по всему телу, своим давлением напомнив саспенс. – Простите, мне пора.

– Мисс Ковальски.

Девушка уже развернулась и коснулась подушечками пальцев края двери, однако покорно остановилась. Фотограф протянул ей прозрачную перчатку – чуть ли не с болью, точно отрывая от сердца кратковременный подарок. Знал, что каждый элемент одежды полагается вернуть танцовщице после окончания выступления или мероприятия.

– Благодарю.

На прощание она улыбнулась и едва не выхватила аксессуар из пальцев мужчины, будто боялась лишний раз промедлить или прикоснуться к нему, и упорхнула обратно в гримёрную, нетерпеливо захлопнув дверь чуть ли не перед носом Дилана. Через несколько томных мгновений раздалась

отдаляющиеся шаги.

Игривое настроение растаяло. Ханна не догадывалась, что было тому виной: короткая разлука или холод, точно резко дунувший от Соболева. Он так и стоял у кресла, на котором лежали букеты цветов и коробки конфет, держал в руках очередную любовную записку, только сейчас удосужившись оторвать от неё взгляд, но не бросил листок, не отступил назад. Напротив, потемневшие глаза так и твердили, кого сейчас выставят крайним.

– Тот самый фотограф, которому ты строила глазки?

Грубый, но в то же время казавшийся равнодушным тон вышиб из неё воздух. Пришлось сделать долгий вдох, чтобы хоть как-то прийти в чувства и не дать рассудку ускользнуть.

– Я позировала для снимка.

– Его ты сейчас держишь? Покажи.

Ханна не понимала, что это было: Виктор даже не заставлял, а она уже неосознанно протягивала подарок, ставший обнажением души. С доскональностью он изучал каждую тень и каждый блик, будто те были способны сказать больше слов, после же перевернул снимок. Его глаза не сверкнули даже тогда, и она с испугом осознала, что мужчина однозначно слышал всё, как бы ни погружался в содержание каждого письма.

И всё-таки что-то переменилось в его взгляде, когда он прочитал последние строчки, однако тяжело было сказать, что именно напугало Ханну в реакции Виктора: контроли-

руемые эмоции или, напротив, ревность и злость, так и рвущиеся наружу.

– И тебя ничего не смутило?

– А должно было? – Девушка, лишь бы занять себя и как-то разбавить обстановку, шаталась про гримёрной в поисках вазы или хоть какой-нибудь другой подходящей для букета ёмкости.

– Ханн, не прикидывайся идиоткой. А если не прикидываешься, то мне придётся разочароваться в тебе.

Она обмерла, едва не выронила цветы, после прижала их к груди крепче – настолько, что хрупкие стебли едва не затрещали. Глаза больше не моргали, а сбивчивое дыхание наминало обрывистое сипение.

– Вик, я правда не понимаю, что не так. – Она чувствовала, что ступает по грани, потому говорила осторожно, с каждым словом ощущая покалывание и сухость в полости рта. – Ты ревнуешь из-за одного кадра и стихотворения?

– Ты мне казалась умнее. – Мужчина небрежно потрянул фотографией, будто то было способно отогнать отвратительное чувство неизвестности. – Ты думаешь, он случайно наткнулся на твою гримёрную? Не успел поговорить в зале, потому сделал это здесь, где вы тет-а-тет?

– Ему нужно было время, чтобы проявить снимок, – та ответила совершенно спокойно, хотя руки дрогнули, когда бережно укладывали лилии на стол. – Да и букет совсем свежий. Мне кажется, он не мог взять его с собой заранее.

– А мадонной назвал случайно? Тебя никто так не называет, кроме меня. Когда мы наедине.

– Это просто совпадение! – но её голос осёкся. Тревога стала пробираться в чуть ли не каждую клеточку похолодевшего тела.

– Люди искусства не могут мыслить одинаково, *ma chérie*. Его ласковое обращение только усугубило ситуацию, загнало в тупик. Ханна не знала, что сказать. Ноги ослабли, и она рухнула на стул, зарылась в хрустнувшие от слоя лака волосы, случайно смазав стрелку, нарисованную чёрными тенями. Хотелось лишь одного – залпом выпить стакан прохладной воды, чтобы привести себя в чувства.

– Это нормально, что человек может вызывать одинаковые ассоциации у разных людей, – танцовщица успокаивала не то себя, не то возлюбленного. Казалось, тщетно, ведь колени всё равно затряслись.

– Да он же самый настоящий маньяк, Ханн! – Не то гневный, не то отчаянный стук кулаком по столу заставил подскочить. – Сегодня фотографирует из зала и посвящает стихотворение, завтра пригласит в закусную выпить кофе, послезавтра предложит место на первой полосе «Таймс»¹, но снимок потребуется сделать в его студии – чтобы освещение было правильным, а для этого нужно соответствующее обо-

¹ Los Angeles Times популярная ежедневная газета США, основанная в 1881 году и выпускаемая по сей день. Чаще всего затрагивает события из жизни населения.

рудование, знаешь ли. Слово за слово в тот же вечер я обтрезвоню Дмитрия и пригрожу ему открутить голову, если тебя не отыщет и не привезёт домой в течение часа, потому что на связь не выходишь и не возвращаешься. А найдём мы тебя, подняв на уши чуть ли не всех полицейских, только через несколько дней в чёрном чемодане, брошенном в кювете за городом. И хоть бы просто расчленённую, без следов изнасилования, пыток и прочих издевательств.

От его слов перед глазами девушки невольно встала пугающая картина: малознакомые, но казавшиеся такими искренними лазурные глаза налились кровью в предвкушении, голоде до жестокости. Изящная, но сильная рука хватает запястья до ноющей боли, вжимая в холодный пол и оставляя тёмные синяки. Лезвие надавливает на шею, рассекая нежную кожу. Отчаянный вопль, сорвавшийся на хрип, тонет в омерзительном звуке, напомнившем хлопанье, когда нож погружается глубже, а его прохлада мешается с жаром хлынувшей крови.

Она была всюду: на изрезанных в попытке защититься ладонях и плечах, на ранее очаровательном, теперь же изуродованном лице. Растекалась липкой лужицей на полу, ощущалась металлическим вкусом во рту. Сверкала хаотичными брызгами на лице убийцы, которое с каждым мгновением всё сильнее заволакивала пелена слёз и пугающей, но вместе с тем дарящей облегчение темноты.

Виктор не то взволнованно, не то грубо встряхнул танцов-

щицу за плечи, вырвав из забытья. Она смотрела на него так напуганно, так невинно и доверчиво, будто ребёнок, и этот блеск – чистоты или слёз? – в её глазах заставил мужчину тяжело сглотнуть. Но он подавил искру сочувствия, решив, что дело нужно довести до конца. Здесь и сейчас. Пока не поздно.

– Вот и думай теперь, от кого принимать комплименты и подарки, а от кого – нож в спину.

– Прошу тебя, хватит! – Тошнота всё подкатывала к горлу, а Ханну накрывало волной истерики. – Мужчину ревность не красит, а только опускает!

Хлопок по лицу отдался жжением в щеке и гулом в ушах. От переживаний, если они и вспыхнули на миг, не осталось и следа – только злость, ранее сдерживаемая и наконец-то выплеснутая. Девушка пошатнулась от неожиданного удара и его силы, прижала дрогнувшую ладонь к покрасневшей коже.

Виктор не позволил ей не то чтобы осознать происходящее, а даже перевести дыхание: дёрнул за запястье, заставив оторвать кисть от потеплевшей щеки, потянул на себя, из-за чего Ханна на подкосившихся ногах чуть не рухнула на Соболева, вцепился в её лицо, да так, что челюсть заныла, а из губ вылетел звук, похожий на рванный скулёж.

– Не стоит путать ревность и волнение, милая моя. – Ханна испугалась не на шутку, разглядев нервную улыбку на лице возлюбленного. Ей казалось, что в его голосе звучит угро-

за. – Ревность – удел неуверенных в себе мужчин, которые не знают, как удержать даму.

Она дёрнула головой, но Виктор, напротив, только крепче сжал пальцы, из-за чего, казалось, челюсть вот-вот сведёт. Осталось только смотреть в его тёмные глаза, как он того и требовал.

– Но я знаю, что мне не к чему ревновать. Ты ведь, кажется, не дуручка и понимаешь, что я дал и могу дать тебе куда больше, чем какой-то фотограф, о котором ты тем более не слышала прежде.

Ханна застыла, но ногти инстинктивно впились в кожу на чужих руках – Виктор даже не поморщился. Пусть порой он казался темпераментным, сейчас же мастерски сохранял самообладание. Его взгляд остыл, голос не дрожал от с трудом сдерживаемых эмоций.

– Я тебе предлагаю вот что: ты выпьешь успокоительное, придёшь в себя, и мы забудем о случившемся. Сделаем вид, что ничего не было, и просто будем жить дальше. Устраивает?

Поняв, что иного выхода не остаётся, она аккуратно, едва заметно кивнула – и Виктор ослабил хватку, даже бережно провёл пальцами по нежным щекам, будто убаюкивая. После осторожно, но настойчиво усадил обратно на стул, достал из барсетки тёмный пузырёк. Несколько прозрачных капель разбились о поверхность воды в стакане, и Ханна без лишних раздумий выпила.

Дальше они молчали. Просто в абсолютной тишине, воцарившейся так неожиданно, Ханна смывала яркий макияж и одевалась, а Виктор вызывал шофёра, чтобы тот отнёс все подарки в автомобиль.

По дороге у девушки закружилась голова, хотя раньше её никогда не укачивало. Однако она отнеслась к этому совершенно спокойно и списала всё на недавние переживания и пугающую игру воображения, просто прикрыла глаза и положила голову на плечо возлюбленного, даже не пожаловавшись на непонятную смесь чувств: то необычную и неизвестную, то приятную.

Она удивилась тому, что впала в дрему: поездка прошла будто по щелчку пальцев, а сейчас её несли. По теплу рук и по их осторожным прикосновениям, даже не разомкнув веки, Ковальская поняла, кто именно её несёт, а потому позволила себе прижаться ещё недавно ударенной щекой к излюбленной груди.

Она чувствовала, как её усаживали на пышную кровать, как чужие пальцы медленно тянули застёжку платья вниз, опускали мрачно-оранжевые рукава-фонарики, помогая высвободить из них размякшие руки. Она понимала, что это не несёт никакого интимного подтекста – Виктор лишь помогает раздеться после тяжёлого вечера, – однако кожа распалась от каждого его даже случайного прикосновения. Девушка практически вслепую прижалась к нему, обняла за шею, задышала в неё тяжелее, прошептала что-то невнятное, на-

помнившее: «Я хочу».

Ханна не слышала его совсем тихий, но довольный смешок. А после всё смешалось в удовольствие. Поцелуи сыпались абсолютно хаотично, обжигая и заставляя дрожать в нетерпении. Пальцы вырисовывали странные узоры на коже, покрывшейся мурашками.

Она была послушна. Выгибалась навстречу, охотно отвечала на каждый поцелуй, не торопила – трясущиеся пальцы не осмелились коснуться пуговиц на мужской рубашке. Лишь просила, но вместе с тем покорялась каждому его действию.

Она желала его так сильно и так страстно сейчас, что, пожалуй, не могла даже представить, что так хотеть вообще возможно.

Когда её губы находили его, Ханна ликовала. Поцелуи, прикосновения и высшая степень близости были для неё необходимы, будто воздух. Странное чувство, но до того приятное, что голова отключилась. От девушки осталась только оболочка, так жаждущая чего-то непозволительного.

Блаженный стон растворился в глубоком мраке, перешёл на сбивчивое дыхание, совсем скоро утихомирившееся: изнурённая, девушка вновь погрузилась в лёгкий сон. Виктор улыбнулся, оставил долгий, ласковый поцелуй на её вспотевшем лбе, накинул чёрный халат, небрежно завязал длинный пояс и закурил, оперевшись об извилистые пер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.